

Свящ. Михаилъ Чельцовъ.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ
ЗАКОНА БОЖІЯ
ВЪ ШКОЛѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 1912.

Безплатное приложение къ журналу «НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»,
за декабрь, 1912 г.

ОБЪ ИЗУЧЕНИИ ЗАКОНА БОЖІЯ ВЪ ШКОЛѢ.

Введеніе.

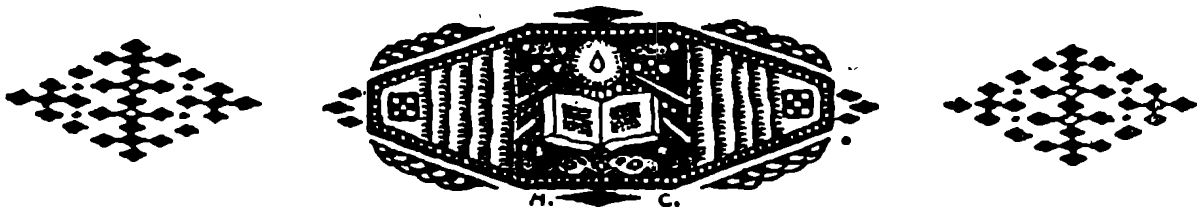
Всякое свое занятіе мы привыкли разсматривать и оцѣнивать съ точки зрѣнія практической отъ него для насъ пользы. На эту практическую оцѣнку мы свели наше ученье и даже нашу науку. Мы хотимъ и сами учиться и дѣтей нашихъ учить не потому, что ученье—свѣтъ, а главнымъ образомъ потому, что оно общаетъ и потомъ, дѣйствительно, съ собой несетъ жизненныя выгоды. И каждый въ отдѣльности предметъ въ школѣ нами изучается потому, что въ жизни онъ намъ принесетъ извѣстную пользу. Грамота полезна до очевидности; безъ ариметики тоже не продашь—не купишь, и всякій тебя обсчитаетъ. И предметы эти всѣми нами изучаются безъ всякихъ возраженій. Но зачѣмъ нуженъ въ школѣ Законъ Божій? Какая отъ него жизненная польза? А онъ преподается не только въ низшей, но и средней и даже высшей нашей школѣ. И во всѣхъ нихъ занимаетъ первое мѣсто. Почему же такъ?

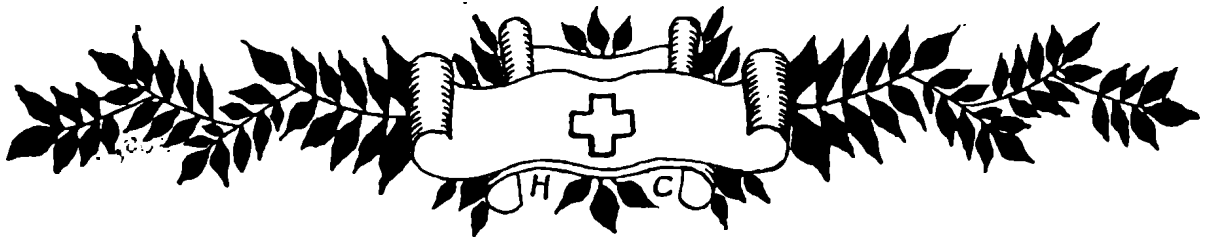
Если нельзя преподавать въ школѣ съ надлежащей пользой для дѣла никакой другой предметъ, не зная, зачѣмъ и для чего онъ нуженъ въ общей суммѣ человѣческихъ знаній; то тѣмъ болѣе такой сознательности относительно своего жизненнаго значенія требуетъ для своего преподаванія Законъ Божій. Какъ можетъ кто-либо преподавать дѣтямъ, а тѣмъ болѣе взрослымъ юношамъ, Законъ Божій, не зная, какое значеніе въ жизни нашей—этой земной—имѣетъ Законъ Божій? Развѣ такой слѣпой преподаватель не принесетъ дѣтямъ больше вреда, чѣмъ пользы своимъ безсознательнымъ, теплохладнымъ отношеніемъ къ взятому имъ на себя дѣлу законоучительства? Чтобы внушить дѣтямъ какія-либо положенія, нужно самому учителю быть твердо и сознательно убѣжденнымъ въ истинѣ и жизненномъ значеніи ихъ. Дѣти большіе психологи, и безразличное, а тѣмъ болѣе отрицательное отношеніе учителя къ Закону Божию непременно передастся имъ и создастъ въ душѣ ихъ ту безрелигіозность, хуже и опаснѣе которой ничего быть не можетъ. Поэтому всякій, приступая къ законоучительству въ школѣ, особенно низшей—народной, дол-

женъ непремѣнно проникнуться сознаниемъ важности взятаго имъ на себя дѣла и всего жизненнаго значенія для человѣка отъ того, что имъ будетъ сообщаться на урокахъ Закона Божія.

Конечно, законоучители—священники и даже многіе діаконъ хорошо сознаютъ все это значеніе; но въ послѣднее время, и съ каждымъ годомъ все въ большемъ количествѣ, на помощь имъ въ дѣлѣ законоучительства выступаютъ народныя учителя и учительницы. Съ развитіемъ школьнаго дѣла, съ умноженіемъ школъ по приходамъ, законоучители—священники и діаконъ, конечно, не въ состояніи во всѣхъ школахъ прихода своего, съ надлежащей пользой для дѣла, быть фактическими законоучителями и естественно должны передать эту высокую и важную обязанность учителямъ и учительницамъ. Эти же, въ своемъ громадномъ большинствѣ, люди безъ надлежащей для законоучительства подготовки, очень часто сами недостаточно сознаютъ важность взятаго на себя дѣла, а иногда даже и отрицательно къ нему относятся. Разумѣется, для послѣднихъ лучше, честнѣе всего было бы отказаться отъ законоучительствованія; но разныя жизненныя обстоятельства бываютъ настолько сильны, что не позволяютъ имъ сдѣлать этого. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о томъ, какъ преподавать въ школѣ Законъ Божій, необходимымъ является выяснитъ всю необходимость, важность и психологическую естественность изученія дѣтьми, и именно въ школѣ, Закона Божія.

Авторъ сихъ строкъ надѣется, что уясненіе этихъ вопросовъ, далеко не безинтересныхъ и не совсѣмъ-то ясныхъ для законоучителей и съ полной семинарской богословской подготовкой, дастъ возможность всякому законоучителю, со всякой предварительной подготовкой, спокойно и увѣренно преподавать въ школѣ Законъ Божій, съ полнымъ сознаниемъ не только высоты и важности, но и практическаго значенія въ жизни человѣка истинной вѣры, т. е. всего того, что въ школѣ именуется Закономъ Божиимъ.

I.

О жизненно-практическомъ значеніи Закона Божія.

Жизненно-практическое значеніе Закона Божія, какъ предмета преподаванія въ школъ, опредѣляется цѣлю его преподаванія. Цѣль эта двоякая: во-первыхъ, требуется на урокахъ Закона Божія сообщить дѣтямъ къ усвоенію соотвѣтствующее количество религіозно-нравственныхъ истинъ и церковно-историческихъ свѣдѣній и, во-вторыхъ, на основѣ этихъ данныхъ, помочь дитяти составить себѣ опредѣленный взглядъ на себя, на окружающую природу и прочихъ людей, выработать правильное отношеніе ко всему внѣ его лежащему, т. е. составить христіанское цѣльное міровоззрѣніе. Это міровоззрѣніе, давая ему—впослѣдствіи взрослому человѣку—отвѣты и разъясненія на всѣ естественные у человѣка запросы о себѣ самомъ и о другихъ, о природѣ и о Высшей Силѣ, тѣмъ самымъ будетъ способствовать устроить жизнь на основѣ правильно сообщенныхъ и вѣрно усвоенныхъ истинъ, внесетъ въ жизнь увѣренность и сознательность, а вмѣстѣ съ ними — внутреннее удовлетвореніе и спокойствіе духа. Владѣть же всѣмъ этимъ значитъ проводить жизнь счастливо для себя и съ пользой для другихъ, т. е. видѣть и даже воплощать въ жизни своей смыслъ, и въ земномъ бытіи своемъ—цѣль. Такимъ образомъ, преподаваніе въ школъ Закона Божія имѣетъ въ конечномъ результатѣ свою цѣлю указать и разъяснить будущему человѣку—гражданину: кто онъ, откуда и какъ произошелъ и какъ долженъ жить, чтобы быть ему счастливымъ. А какъ все это для жизни необходимо, всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно. Самая небольшая справка изъ жизни и литературы съ наивысшею очевидностію подтверждаетъ истину сего.

Наше время характеризуется, какъ время блестящихъ открытій и удивительныхъ изобрѣтеній.

Человѣкъ, кажется, все разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ, всему нашель вѣсь и мѣру, все позналъ и изучилъ. Вѣтру повелѣваетъ, свѣтомъ пользуется, тепломъ управляетъ; паръ обратилъ въ коня, электричество при-

звалъ лѣчить свои недуги, воздухъ поставилъ на службу себѣ. Давно-ли онъ научился владѣть паровозомъ, а ужъ и путешествіе по воздуху переходитъ изъ области мечты въ дѣйствительность. Кажется, каждый день несетъ человѣку все новое и новое завоеваніе, каждый годъ манитъ его обѣщаніемъ—поставить его превыше всего, содѣлать его дѣйствительнымъ царемъ вселенной, дать ему въ руки тотъ рычагъ, которымъ онъ будетъ вращать землю по своему хозяйскому желанію, добывать изъ нея все по своему господскому хотѣнію, получать отъ нея нужное по капризу сердца своего...

Перспективы такъ заманчивы, а дѣйствительность... такъ тяжела и непривлекательна, даже печальна. Все человѣкъ позналъ, а голодаетъ онъ больше, чѣмъ голодалъ дикарь. Всѣмъ владѣть, а никакъ не можетъ не только отъ старыхъ болѣзней избавиться, но и новыхъ избѣжать. И живетъ, и умираетъ онъ теперь не болѣе счастливымъ, чѣмъ прежде. Человѣчество выродилось, слышится нынѣ постоянно; нѣтъ ужъ теперь тѣхъ великановъ и богатырей, о которыхъ рассказываютъ даже наши предки. Процентъ больныхъ и немощныхъ, слабыхъ и одержимыхъ всякими недугами все увеличивается изъ года въ годъ.

Не болѣе счастливъ человѣкъ и въ области духовной жизни своей. Какъ будто бы чѣмъ болѣе прогрессируетъ онъ въ области открытій и изобрѣтеній, тѣмъ все менѣе и менѣе духовно чувствуетъ себя удовлетвореннымъ. Всюду тоска, всюду скука и разочарованность, всюду томленіе духа. Человѣкъ какъ будто куда-то идетъ и на пути падаетъ; куда-то устремляется всѣмъ существомъ своимъ и съ разбитыми мечтами погружается все глубже въ прежней грязи. И невольно начинаютъ думать нѣкоторые, что каждое поступательное движеніе человѣка впередъ по пути завоеванія природы есть шагъ назадъ отъ уже владѣемаго имъ счастья. Отсюда ужасное развитіе пессимизма, недовольства жизнію и, какъ слѣдствіе этого, поражающее и все увеличивающееся количество самоубійствъ. Отовсюду слышится одно: жить такъ, какъ живетъ большинство, невыносимо тяжело; въ жизни, каковой она теперь сложилась, нѣтъ отдыха и счастья...

Вотъ два отзыва-характеристики нашего времени. Принадлежать они людямъ, для которыхъ будущее жизни должно рисоваться въ самыхъ радужныхъ краскахъ,—правовѣрнымъ марксистамъ, теоретикамъ социалъ-демократіи. Первый принадлежитъ ставшему въ послѣднее время извѣстнымъ *Луначарскому*, который пишетъ: «Пришли новыя времена. Человѣкъ мало по малу сталъ самоувѣреннѣе. Мифологическое творчество смѣнилось, наконецъ, точной наукой, вѣра въ магизмъ рухнула и замѣнилась вѣрой въ трудъ. На мѣсто анимизма сталъ теперь научный энергизмъ, на мѣсто магизма—современная техника. Но развѣ добился человѣкъ счастья? Развѣ не живетъ въ душѣ его больше желаній? Развѣ

его мечты объ истинномъ счастіи стали блѣднѣе, его идеалы тусклѣе и ближе?»...¹

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ такъ характеризуетъ настроеніе нѣкоторыхъ представителей интеллигенціи: «Скучно, сѣро, жестоко, холодно стало въ мірѣ», говоритъ поэтъ. «Страшно стало, бессмысленно. Мы съ нашимъ разумомъ живемъ въ пасти бездушнаго діавола («міроваго механизма»), который разможжитъ насъ своими несокрушимыми зубами и равнодушно разложитъ въ своемъ раскаленномъ чревѣ на химическіе элементы нашу мысль, нашу красоту, любовь и идеаль. Страшно!» говоритъ идеалистъ.²

Другой писатель, тоже социалистическаго направленія, пишетъ: «Современный интеллигентъ все знаетъ и всего хочетъ, а оттого, что онъ все знаетъ и что онъ хочетъ всего—даже самаго противоположнаго,—онъ страшно усталъ и ничѣго по настоящему не хочетъ. Онъ хотѣлъ бы хотѣть, но и этого не можетъ. Во внутренней своей жизни—это настоящее царство, раздѣленное на ся. Весь онъ сотканъ изъ противорѣчій, все нутро его разодрано изъ края въ край антиноміями».³

Итакъ, въ вѣкъ блестящихъ открытій и изобрѣтеній человѣкъ не только не болѣе счастливъ, чѣмъ прежде, но, кажется, тоска, уныніе прежде никогда не достигали такихъ размѣровъ, какъ теперь. Причина же этому лежитъ въ томъ, что человѣкъ потерялъ смыслъ жизни и цѣль своего земнаго бытія; потерялъ же потому, что удалился отъ жизни по вѣрѣ, отъ религіи, «убилъ Бога въ себѣ». Только одна религія въ состояніи вернуть ему потерянное, успокоить его мятущееся сердце; она одна можетъ разрѣшить ему его «вѣковѣчные вопросы» о немъ самомъ, о мірѣ и о Богѣ. Ни наука, ни философія сдѣлать этого не могутъ.

Наука потому и называется положительной, что она имѣетъ дѣло съ явленіями, и силами природы, и съ законами, на нихъ основывающимися; она изслѣдуетъ лишь въ области опыта. «Наука изслѣдуетъ въ мірѣ явленій,—здѣсь ея область», говоритъ нашъ русскій писатель Казьминъ-Вьюговъ.⁴ «Есть граница, читаемъ въ рѣчи Эрдмана, помѣщенной въ официальномъ отчетѣ 34-го собранія германскихъ естествоиспытателей и докторовъ,—за которую естественная наука по самому существу своему не можетъ и не должна переходить; разумѣю границу, за которой невозможны чувственные опыты и основанные на нихъ выводы». Извѣстный химикъ Тиндаль отказывается отвѣчать на вопросъ: «нашла-ли наука или можетъ-ли, по крайней мѣрѣ, найти причину міра... Вопросъ этотъ, говоритъ онъ, остается безъ отвѣта до настоящаго времени и *не*

¹ Религія и социализмъ. Ч. I. Спб. 1908. Стр. 41.

² «Литерат. распадъ», кн. 2, стр. 8.

³ Тамъ же, стр. 254.

⁴ Казьминъ-Вьюговъ, Н. О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 1908.

дѣло науки разрѣшать ея. У знаменитаго Вирхова есть утверженіе, «что научное изслѣдованіе не въ состояніи разрѣшить задачу мірозданія»...¹

Правда, вопросъ о смыслѣ жизни и цѣли бытія пытается разрѣшить философія. Но человѣкъ никогда не можетъ принять ея рѣшеній и на нихъ успокоиться. Каждая философская система, даже каждый философскій умъ разрѣшаетъ эти вопросы по своему, на основаніи собственнаго опыта и размышленія. Поэтому такихъ философскихъ разрѣшеній существуетъ очень много со взаимнымъ противорѣчіемъ однихъ другимъ, притомъ не имѣющихъ за собой никакого авторитета и никакой высшей санкціи, чему бы человѣкъ могъ довѣриться. Отъ этого философскія разрѣшенія остаются достояніемъ небольшой группы ближайшихъ учениковъ философа и то не на долгое время.

И только религія вполне авторитетно, отъ Лица Высшей Силы, Существа абсолютно совершеннаго, полно, цѣлостно даетъ человѣку нужныя ему и его духовной природѣ сродныя свѣдѣнія о смыслѣ его жизни и цѣли бытія, даетъ ясно, опредѣленно и безъ всякихъ противорѣчій. Имѣя эти свѣдѣнія, нося въ сердцѣ своемъ религію, человѣкъ спокойно, съ полнымъ сознаниемъ имъ совершаемаго, можетъ жить и работать. А если прибавить, что религія говоритъ человѣку и о будущей жизни, увѣряетъ его надеждой на блаженство въ ней при страданіяхъ и бѣдахъ этой земной жизни, то жизненное значеніе Закона Божія вполне станетъ для насъ яснымъ. «Уже въ сей жизни невозможно истинное счастье безъ мира совѣсти, миръ совѣсти—безъ вѣрнаго исполненія своего долга, а послѣднее безъ религіи. Между тѣмъ какъ приложеніе прочихъ предметовъ ограничивается болѣе всего здѣшнею жизнію, значеніе религіи простирается за предѣлы гроба. Она опредѣляетъ вѣчную участь человѣка» (Кельнеръ).

Хорошо выразилъ это значеніе религіи Чеховъ въ своей пьесѣ «Дядя Ваня». Одна изъ героинь ея—жизнію неосчастливленная, духовно разбитая—Соня такъ утѣшаетъ своего дядю, тоже, кажется, все въ жизни потерявшаго. «Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней; долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ намъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ нами, и мы съ тобой, дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастія оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... Мы отдохнемъ!.. Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши

¹ Чельцовъ, М. свящ. О вѣрѣ и невѣріи. Ч. I. Слб. 1910. Стр. 100, 104, 105.

страданія потонуть въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Я вѣрую, вѣрую»...

У М. Горькаго въ его прежнихъ произведеніяхъ едвали не единственный положительный типъ—Лука въ пьесѣ «На днѣ»,—всегда спокойный, уравновѣшенный, тихій, всѣмъ довольный и, видимо, счастливый. Но онъ съ именемъ Господа «Исусе Христе» на устахъ и съ вѣрой въ Бога въ сердцѣ. Вотъ онъ какъ утѣшаетъ умирающую, забитую, несчастную страдалицу—Анну. «Помрешь—отдохнешь. Призовутъ тебя къ Господу и скажутъ: Господи, погляди-ка, вотъ пришла раба твоя Анна. А Господь взглянетъ на тебя кротко—ласково и скажетъ: знаю я Анну эту! Ну, скажетъ, отведите ее, Анну, въ рай. Пусть успокоится... Знаю я, жила она очень трудно... Очень устала... Дайте покой Аннѣ»...

Какимъ миромъ навѣваетъ на душу отъ чтенія этихъ словъ! Какъ спокойно, благодушно долженъ себя чувствовать имѣющій такую вѣру. И благодушіе это—не признакъ «мѣщанскаго счастья»: оно отъ него скорѣе отклоняетъ. При вѣрѣ такой всѣ недоумѣнія устраняются, вопросы—разрѣшаются, и самый большой изъ нихъ вопросъ о страданіяхъ—облекается въ самую свѣтлую форму.

Неудивительно послѣ этого, что и современные ученые все болѣе и все чаще приходятъ къ признанію необходимости вѣры религіозной для счастья жизни. Въ книгѣ г. Кожевникова «Современное научное невѣріе» (Сергіевъ Посадъ, 1912 г., ц. 1 руб.) приведено свыше сотни именъ современныхъ ученыхъ—извѣстныхъ и знаменитыхъ математиковъ и астрономовъ, физиковъ, химиковъ, біологовъ, зоологовъ, ботаниковъ, анатомовъ, фізіологовъ и медиковъ, минералоговъ и геологовъ, географовъ, антропологовъ, которые, оставаясь на строго научной почвѣ, въ то же время свидѣтельствуютъ своею горячей религіозностію, что наука и религія не только не противорѣчатъ одна другой, но что подлинно истинная наука непременно приводитъ человѣка къ Богу. По словамъ извѣстнаго химика Либиха, только тѣ, которые «хватаютъ верхушки изслѣдованія естественныхъ наукъ и воображаютъ, что имѣютъ право объяснять несвѣдущей и легковѣрной публикѣ, какъ произошелъ весь свѣтъ и жизнь»,—только они остаются безъ Бога. Еще давно философомъ Бэкономъ было сказано, что «никто не отрицаетъ Бога, кромѣ того, кому выгодно, чтобы не было Бога». А другой писатель добавляетъ: «Я хотѣлъ бы увидѣть трезваго человѣка, умѣреннаго, цѣломудреннаго, справедливаго, который бы отрицалъ, что Богъ существуетъ и что душа бессмертна. Но такой человѣкъ не можетъ быть найденъ» (Ля-Брюйеръ).¹

Школа народная призывается воспитать именно трезвыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, цѣломудренныхъ и справедливыхъ людей; она должна ука-

¹ См. у Чельцова. Цит. соч., стр. 62.

затѣ имъ путь къ ихъ духовному счастію; сдѣлать для нихъ все, чтобы они были духовно удовлетворены и спокойны. Поэтому Законъ Божій, т. е. изученіе вѣры христіанской, какъ имѣющей своей задачей, по разъясненіи человѣку всѣхъ его «проклятыхъ вопросовъ», устроить его жизнь на основѣ личнаго и общаго духовнаго счастія, долженъ въ ней не только изучаться, но и стоять по справедливости на первомъ мѣстѣ. И, такимъ образомъ, преподавать Законъ Божій въ ней должно съ полнымъ убѣжденіемъ во всей важности и жизненнопрактическомъ значеніи его. Отста-
лымъ отъ направленія времени поэтому нужно считать не того, кто изучаетъ вѣру свою и дорожитъ ею, а того, кто отстаетъ отъ нея и хочетъ жить безъ нея.

Примемся-же за преподаваніе Закона Божія въ школахъ народной съ полнымъ сознаніемъ всей важности этого предмета, отвѣтственности взятой на себя работы и необходимости для счастія въ жизни воспитанія дѣтей въ духѣ религіи нашей.

II.

О психологической естественности изученія дѣтьми вѣры христіанской.

Какими особенностями характеризуется душевная жизнь дитяти?

Всѣ тѣ, которые специально занимались изученіемъ дѣтской души, отмѣчаютъ почти единодушно, что у дѣтей особенно развиты и въ общемъ строѣ ихъ душевной жизни выпукло выступаютъ область чувствованій и пытливость ума.

«Раннее дѣтство характеризуется воспримчивостію, подражательностію, внушаемостію... Чувствительность представляетъ собою нормальное дѣтское свойство» (Друммондъ У.)...¹ Извѣстный изслѣдователь дѣтской души Джемсъ Селли пишетъ: «У дѣтей много состраданія къ тому, что мы считаемъ жертвой природы. Жизнь растений, повидимому, часто пробуждаетъ въ дѣтяхъ различныя чувства». И далѣе онъ приводитъ изъ одного родительскаго дневника рассказъ о томъ, какъ восьмилѣтняя дѣвочка плакала отъ жалости, смотря на падающіе съ деревьевъ осенью листья.² У него немало приводится и другихъ подобныхъ же наблюденій, характеризующихъ дѣтей со стороны развитія въ нихъ области чувства. Нашъ русскій психологъ, проф. Сикорскій отмѣчаетъ: «Хотя вся жизнь въ ранній періодъ дѣтства носитъ въ общемъ неглубокій характеръ, но отдѣльныя проявленія могутъ быть глубоки. Въ особенности глубиной отличаются такъ называемыя нѣжныя чувства, которыя въ этотъ періодъ достигаютъ иногда зрѣлости, можно сказать, превышающей кро-

¹ У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. М. 1910. Стр. 319, 325.

² Дж. Селли. Очерки по психологіи дѣтства. Изд. 2. 1904. Стр. 39 и дал.

ощущенія силы дитяти. Привязанности дѣтей и проявляемыя ими чувства **могутъ** доходить, по временамъ, до степени высшихъ чувствъ. Чувство **благоговѣнія** является одной изъ важнѣйшихъ основъ нравственнаго **развитія** (Карлейль). Это чувство можно рано воспитывать у дѣтей». ¹

«**Кл.** О пытливости дѣтей изъ многихъ сужденій приведемъ слова Дж. Селли. «Умъ мальчика (6 или 7 лѣтъ) старается понять устройство и **ходъ** машинъ, въ томъ числѣ и этой большой машины міра... Дитя не только наблюдаетъ, но и начинаетъ обдумывать то, что наблюдаетъ. Оно **предлагаетъ** всѣ силы, чтобы понять тѣ удивительныя явленія, которыя **встрѣчаетъ** его взоръ... Благодаря живости и подвижности своего ума, который далеко выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ дѣйствительности и строитъ фантастическія предположенія относительно скрытаго вдали, ребенокъ начинаетъ мыслить, т. е., разсуждать о причинахъ вещей»... По утверженію Дж. Селли съ четвертаго года у дѣтей начинается періодъ **вопросовъ**. Первый вопросъ: что это? какъ называется? Потомъ является вопросъ:—почему? о причинѣ вещей. Вопросы о происхожденіи вещей, какъ онѣ производятся,—играютъ у дѣтей чрезвычайно важную роль. Многие изъ вопросовъ «имѣютъ метафизическій характеръ, такъ какъ они выходятъ за предѣлы повседневной жизни и науки. Дитя является метафизикомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ метафизиками были первые мыслители: его вопросы относятся къ сокровеннѣйшей сущности вещей и къ ихъ абсолютному началу». ²

Эти двѣ особенности душевной жизни дитяти—развитое чувство и пытливость ума—дѣлаютъ дитя весьма воспріимчивымъ по отношенію къ религіознымъ истинамъ и церковно-историческимъ событіямъ: умъ дитяти и сердце его являются близкими и какъ бы родственными тому, что является сущностію всякой религіи и тѣмъ болѣе христіанской.

На самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается сущность христіанства нашего? Съ одной стороны—оно есть отвѣтъ—прямой, опредѣленный и категоричный, какой обычно только любятъ и цѣнятъ дѣти,—отвѣтъ на естественные у всѣхъ вопросы: откуда, какъ и почему? Съ другой стороны—оно есть обращеніе, призывъ къ сердцу человѣка, къ его чувству. Люби Бога и ближняго твоего, люби всякую травку, всякое созданіе Божіе цѣлуй лобзаніемъ святымъ,—вотъ чему научаетъ насъ христіанство наше. Недаромъ поэтому оно попреимуществу старается **воздѣйствовать** на сердце человѣка, воспитывать его чувство. Душа дитяти—чистая, на все доброе отзывчивая, милующая и сострадательная—представляетъ для христіанства благодарную почву, на которой сѣмена правды и истины никогда не пропадутъ, даже и тогда, когда посѣвъ очень быстро **заглушается** всякими сорными травами житейской низости и пошлости.

¹ Сикорскій, И. проф. Душа ребенка. Киев. 1909. Стр. 100—101.

² Дж. Селли. Цит. соч., стр. 34, 78, 84, 89—102.

Такимъ образомъ религія наша христіанская даетъ уму и сердцу дитяти пищу самую для нихъ подходящую, соотвѣтствующую потребностямъ его духовнаго организма и роста, развивающую и облагораживающую, имъ легко усвояемую и совершенно безболѣзненно перевариваемую. Вполнѣ правъ У. Друммондъ который, сказалъ: «Изученіе дѣтскаго возраста вполнѣ ясно показываетъ, что въ этотъ періодъ жизни представляется такая возможность религіознаго обученія, какъ ни въ какое иное время.¹ Проф. Сикорскій, вообще придающій громадное значеніе чувствамъ въ жизни души, признаетъ совершенно необходимымъ воспитывать дѣтей въ религіозномъ направленіи. «Чувство религіозности—это одно изъ самыхъ естественныхъ чувствъ дитяти и пренебреженіе развитіемъ этого чувства было бы равносильно игнорированію или непризнанію естественныхъ законовъ развитія человѣческой души. Развитие религіознаго чувства является самымъ естественнымъ психологическимъ фактомъ духовнаго прогресса, который начинается въ дѣтскомъ возрастѣ своими простѣйшими фактами страха, зависимости, почтенія, а въ дальнѣйшихъ возрастахъ проявляется въ самыхъ возвышенныхъ формахъ удивленія, симпатіи и благоговѣнія». ² Въ одномъ изъ докладовъ, прочитанныхъ въ С.-Петербургскомъ родительскомъ кружкѣ (27 Янв. 1907 г.) было сказано, что «у ребенка съ дѣтства являются религіозныя представленія, отрадное чувство вѣры; оно подсказываетъ ему, что жизнь дана Богомъ; является чувство благодарности, которое, соединяясь съ благоговѣніемъ, вызваннымъ величіемъ міра, образуетъ самое отрадное чувство—любовь». ³ А на другомъ засѣданіи того же кружка прямо было высказано, согласно съ мнѣніемъ Декарта, что «чувство религіозности прирождено человѣку; нѣтъ момента въ жизни человѣка, когда бы въ немъ не было хотя потенциальнаго (т. е. въ зародышѣ) чувства религіозности». ⁴ Даже такой писатель, самъ далекій отъ вѣры религіозной и никогда не занимавшійся дѣломъ воспитанія дѣтей, но хорошо знавшій душу человѣческую, какъ извѣстный критикъ Бѣлинскій не могъ не признать всей сродности для души дитяти религіи христіанской, всей понятности послѣдней для дѣтей при умѣломъ только вліяніи на нихъ. «Когда, писалъ онъ, радуга развернется на небѣ своими яркими цвѣтами, когда облака окаймятся золотою чертой, когда игра тѣней образуетъ множество мимолетныхъ очертаній,—укажите вашему дитяти на эти явленія, и вы откроете въ сердцѣ доступъ религіи. Природа, повѣдающая слова Божіи, говоритъ дѣтскому сердцу лучше всякихъ разсужденій. Дѣти не поймутъ, конечно, отвлеченныхъ опредѣленій Безконечнаго существа, но заставьте ихъ любить

¹ У. Друммонъ. Цит. соч., стр. 350.

² Сикорскій. Цит. соч., стр. 99—100.

³ Сокольскій, В. свящ. Христіанское воспитаніе и обученіе дѣтей школьн. возраста. Казань. 1902. Стр. 12.

⁴ Тамъ же. Стр. 11.

Его,—этого Бога, Который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпнѣи возстающаго дня, и въ грустномъ величїи наступающей ночи, и въ ревѣ бури и въ раскатахъ грома, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ **широко о Богѣ**.¹

При столь очевидной естественности изученія съ дѣтьми вѣры христіанской тѣмъ не менѣе находится немало лицъ, нерѣдко весьма благосклонно расположенныхъ и къ вѣрѣ, и къ дѣтямъ, однако считающихъ невозможнымъ преподавать дѣтямъ истины религіи. Возраженія, которыя они дѣлаютъ противъ религіознаго воспитанія дѣтей, въ общемъ сводятся къ слѣдующему.

1) Говорятъ, что дѣти не понимаютъ религіозныхъ истинъ. «Церковно-религіозное воспитаніе, сообщая дѣтскому уму догматы, притупляетъ дѣтскую пытливость, силу и ясность ума, прививаетъ привычку довольствоваться вмѣсто идей и образовъ—словами... Оно препятствуетъ развитію любознательности, логичности, приучая постоянно признавать вмѣшательство въ ходъ причинъ сверхъестественныхъ могущественныхъ силъ неба и ада»...²

Еще Спаситель повелѣлъ «испытывать писанія» (Іоан. 5, 39), т. е. все, что сообщается учителями вѣры, принимать сознательно и разумно, послѣ предварительнаго испытанія и критическаго разсмотрѣнія сообщаемаго. Поэтому современное религіозное образованіе непременно всегда сопровождается стараніями законоучителя уяснить сознанію ученика, насколько это возможно, прїемлемость того или иного ученія разумомъ человѣческимъ, духовную потребность въ немъ и соотвѣтствіе его духу человѣческому. Отсюда—естественность постоянныхъ школьныхъ взаимныхъ—со стороны законоучителя и ученика—вопросовъ: «почему? отчего? какъ такъ?..» Времена слѣпой вѣры давно прошли... Да и самая природа религіозныхъ истинъ такова, что онѣ постоянно будятъ умъ, требуютъ размышленія, порождаютъ еще большую любознательность, приучаютъ къ логичности въ мышленіи и подъ каждымъ словомъ заставляютъ разумѣть самыя точныя, опредѣленныя понятія. Вѣдь не иное что, а религіозные вопросы и запросы породили науку наукъ, это любомудріе—философію. И достаточно ознакомиться, хотя бѣгло, съ каталогами книгъ и статей изъ отдѣла по богословію, чтобы убѣдиться, какъ вѣра религіозная заставляеть умъ вѣрующаго работать, изыскивать, изслѣдовать, изучать...

То правда, что среди истинъ вѣры есть, такъ называемыя, непостижимыя для разума. Но здѣсь нужно различать непостижимость истинъ

¹ См. у Введенскаго, Д. За счастіе дѣтей. В. 2. Спб. 1912. Стр. 76.

² Камингъ-Вьюговъ, Н. О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 1908. Стр. 40—41.

отъ неприемлимости ихъ разумомъ, т. е. отъ неразумности. У насъ эти понятія часто смѣшиваются, а потому непостижимое нерѣдко отождествляется съ неразумнымъ. Истины вѣры непостижимыя, напр., ученіе о Трїединствѣ Божества, о Боговоплощеніи, разуму въ достаточной степени понятны и разумомъ приемлются не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ, допустимъ, въ психологіи ученіе о единствѣ души при троичности ея силъ, о двухъ частномъ составѣ человѣка и т. под., или ученіе о вращеніи земли вокругъ своей оси и солнца, или даже сама таблица умноженія... Можно-ли сказать, что уяснить дитяти то явленіе, что кусокъ чугуна, связаннаго съ деревомъ, тонетъ въ водѣ, а корабль—плыветъ,—легче, чѣмъ уяснить ему многое изъ религіи?!..

Быть можетъ, въ извѣстной степени вѣрно и то, что дѣти не понимаютъ нѣкоторыхъ религіозныхъ истинъ. Но цѣль преподаванія Закона Божія въ дѣтскомъ возрастѣ состоитъ не въ сообщеніи наибольшей суммы знанія и не въ введеніи дѣтей въ пониманіе всей глубины спасительныхъ истинъ, а въ наученіи его вѣрѣ и жизни по вѣрѣ. А для этого, по словамъ одного нѣмецкаго педагога, «отнюдь не требуются совершенныя, ясныя и полныя понятія. Они могутъ быть даже смутными, лишь бы не были они ложными и неправильными. Нѣтъ рѣшительной необходимости въ томъ, чтобы дитя подъ словами катихизиса мыслилъ все то, что мыслить зрѣлый человѣкъ или богословъ. Всѣ представленія и понятія у человѣка вначалѣ несовершенны, неполны и смутны; лишь спустя долгое время, изъ мрака появляется свѣтъ и слово получаетъ содержаніе и жизнь. Къ тому же опытъ показываетъ, что и смутныя представленія часто производятъ глубокое и продолжительное впечатлѣніе на человѣческое сердце. А въ сердцѣ-то и коренится жизнь религіозная»...¹ Поэтому великій педагогъ Кельнеръ съ полнымъ правомъ могъ обратиться къ учителямъ и родителямъ съ такими словами: «влагай, учитель, въ ребенка сѣмена, которыя, хотя вначалѣ и покоятся въ немъ безсознательно, однако въ свое время взойдутъ и принесутъ отраднѣйшій плодъ».² Вначалѣ усвоенное безсознательно, сѣмя вѣры только бы нашло добрый уходъ за собой, тогда оно непременно произрастетъ само и душу ребенка сдѣлаетъ религіозно воспримчивою. Если бояться этой непонятности религіозныхъ истинъ для души дитяти, то, быть можетъ, придется совсѣмъ отказаться отъ наученія вѣрѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Въдѣ среди истинъ вѣры, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, есть такія, которыя, какъ и во всякой отрасли человѣческаго знанія, воспринимаются только вѣрой. Если учитель ариѳметики, преподавая дѣтямъ элементарныя математическія и геометрическія истины, или учитель географіи, препода-

¹ Нозеръ, Фр. д-ръ. Методика Закона Божія. Перев. съ нѣмец. Москва. 1898. Стр. 33—34.

² Тамъ же. Стр. 34.

ная первоначальная свѣдѣнія изъ астрономической географіи, не боятся добиваться отъ учениковъ запоминанія многого по довѣрію къ словамъ учителя, безъ должнаго пониманія запоминаемаго самими учениками, то почему законоучитель не можетъ иное изъ области религіозныхъ истинъ отнести къ воспринятію на вѣру? «Должны-ли дѣти 4—7 лѣтъ слышать о Богѣ и предметахъ Божественныхъ? спрашиваетъ одинъ нѣмецкій писатель, и самъ же отвѣчаетъ: О, положи руку на сердце, никому не позволяйте сбить васъ съ толку въ этомъ отношеніи! Что здѣсь непонятнаго разуму дѣтскому, то останется навсегда непонятнымъ и нашему разуму, именно потому, что оно сверхъестественно. Въ это мы должны вѣровать. Въ такомъ случаѣ дозволейте дѣтямъ вашимъ вѣровать вмѣстѣ съ вами! Вѣдь они ежедневно, единственно на основаніи вашихъ словъ, принимаютъ на вѣру тысячу разнаго рода вещей, которыхъ вы еще не можете и не желаете объяснить имъ» (В. Гей).¹

Утвержденіе, что религіозное воспитаніе, сообщая дѣтямъ догматы, «прививаетъ привычку довольствоваться вмѣсто идей и образовъ—словами», совершенно не вѣрно. Оно противорѣчитъ складу дѣтскаго ума, который все самое отвлеченное переводитъ на языкъ конкретныхъ фактовъ. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно работаетъ у дѣтей творческое воображеніе. По словамъ Дж. Селли «въ игрѣ воображенія значительное мѣсто занимаетъ сильный одухотворяющій или олицетворяющій элементъ. Иными словами—дѣтя видятъ нѣчто живое и одаренное сознаниемъ въ томъ, что мы рассматриваемъ, какъ мертвое и бездушное». У него приводится немало и примѣровъ такого одухотворенія, когда дѣтя изъ буквы дѣлаютъ нѣчто въ родѣ личности.² Эта особенность душевной жизни ребенка, разумѣется, не только не дозволяетъ ему мыслить словами, а необходимо очень въ значительной степени помогаетъ ему все сообщаемое ему отвлеченное изъ ученія о Богѣ переводить въ образы и картины и въ такой реальности усвоить и представлять себѣ ученіе о Богѣ. Примѣры подобныхъ олицетвореній ученія вѣры всѣмъ хорошо извѣстны. «Стоитъ только, говоритъ г-жа Манасейна, внимательно взглянуться въ малютокъ, которыя лепечутъ свои дѣтскія молитвы, чтобы убѣдиться, что они могутъ усвоить идею Бога, хотя, конечно, идея эта для нихъ должна быть въ соотвѣтствіи со всѣмъ содержаніемъ ихъ дѣтской души,—она должна быть чисто дѣтской.»³

Невѣрно и то, что религія будто бы «приучаетъ постоянно признавать вмѣшательство въ ходъ причинъ сверхъестественныхъ силъ». Невѣрно оно уже потому, что наряду съ ученіемъ о Сверхъестественной

¹ Слупскій, свящ. Школа безъ Бога. Харьковъ. 1908. Стр. 10.

² Дж. Селли. Цит. соч., стр. 38—39.

³ Манасейна, М. Основы воспитанія съ первыхъ лѣтъ жизни. В. І. Спб. Стр. 53.

Силѣ, о Промыслѣ Божиѣмъ дѣтямъ сообщается и о человѣкѣ, какъ разумно-свободномъ существѣ. Уже одинъ библейскій рассказъ о свободѣ людей при грѣхопадѣніи ихъ въ состояніи заставить дѣтей скорѣе остановиться на мысли о свободѣ человѣка, чѣмъ о постоянномъ вмѣшателствѣ Божества въ жизнь человѣка. Да и Божество, во всѣхъ сообщеніяхъ дѣтямъ о Немъ, представляется дѣйствующимъ не произвольно, но въ строго-причинномъ соотвѣтствіи съ жизнію людей и съ ихъ благополучіемъ. Такимъ образомъ, сообщеніе дѣтямъ о Божиѣмъ Промыслѣ болѣе способно внѣдрить въ сознаніе ихъ мысль о причинности, чѣмъ о произвольности; оно естественнѣе можетъ побуждать ихъ къ личному свободному избранію добра, чѣмъ къ безпечному возложенію всего на Бога.

2) Противъ наученія дѣтей религіи еще говорятъ, что религія внушаетъ дѣтямъ принудительно тѣ или иныя свои истины, какъ абсолютныя, которыя дитя должно безъ разсужденія принять на вѣру. Отсюда происходитъ, во-первыхъ, то, что въ умѣ дитяти собираются положенія, имъ сознательно не воспринятая, во-вторыхъ — религіозное воспитаніе сводится къ навязыванію дѣтямъ взглядовъ другихъ людей; а вѣра есть интимная область жизни души и у каждого должна складываться и развиваться вполнѣ свободно.

Это возраженіе должно было бы счесть за сильное, если бы его нельзя было сдѣлать вообще противъ воспитанія и даже обученія дѣтей. Педагогамъ хорошо извѣстенъ взглядъ на воспитаніе Л. Н. Толстого, дѣломъ воспитанія дѣтей не мало занимавшагося. По его словамъ, въ основѣ воспитанія, въ какой бы формѣ мы его ни взяли, «лежитъ одинъ и тотъ же принципъ: признанное за однимъ человѣкомъ или небольшимъ собраніемъ людей право дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ имъ хочется». «Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму». ¹ Въ извѣстной степени это мнѣніе Л. Н. Толстого справедливо. Если бы мы — старшіе дѣтей нашихъ ничему не учили, т. е. ничего имъ не внушали, ничего имъ не навязывали къ усвоенію, то дѣти наши не научились бы не только мыслить, но и говорить. Воспитаніе по самой природѣ своей основывается на внушеніи. Это признаютъ и этого требуютъ для цѣлей воспитанія даже и сами наши возражатели противъ религіознаго воспитанія, какъ основывающагося на принужденіи. И по ихъ убѣжденію, нельзя при воспитаніи дѣтей «невмѣшательство вводить въ догматъ... Воспитатель иногда долженъ приостановить развитіе нѣкоторыхъ наклонностей ребенка... Если семья имѣетъ свою узкую классовую фізіономію, то при полной свободѣ воспитанія въ такой семьѣ изъ ребенка выйдетъ типичный «купчикъ» или «дитя кулисъ» или «барчукъ» и тому подобное. ² Итакъ, значитъ, безъ

¹ Сочиненія гр. Л. Н. Толстого. Изд. 7. М. 1887. Часть IV. Стр. 123. 115.

² Казьминъ-Вьюговъ, Н. О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Стр. 13—14.

принужденія въ той или другой мѣрѣ не обойтись. А поэтому нельзя возражать противъ внушенія дѣтямъ и религіозныхъ истинъ въ цѣляхъ религіознаго воспитанія ихъ.

Но это «насиліе» во всякомъ случаѣ не будетъ навязываніемъ взглядовъ однихъ людей другимъ. Въ христіанствѣ религіозное воспитаніе преслѣдуетъ не личные какіе-либо цѣли или идеалы, а одинъ—общій, абсолютный, одинаково обязательный какъ для воспитываемаго, такъ и для воспитывающаго. Поэтому въ христіанскомъ воспитаніи главнымъ руководителемъ является не воспитывающій, а именно этотъ абсолютный, для всѣхъ одинаково обязательный, идеаль. Сущность его выражена въ словахъ Спасителя: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный» (Мѣ. 5, 48). Стремленіемъ къ совершенству личному, къ тому, чтобы сдѣлаться «идеальнымъ человѣкомъ», опредѣляется личная жизнь человѣка; стремленіемъ къ тому, чтобы сдѣлаться «идеальнымъ гражданиномъ», опредѣляется жизнь человѣка въ его отношеніяхъ къ обществу. Въ этихъ двухъ направленіяхъ и долженъ быть воспитываемъ человѣкъ. Какого-нибудь насилія здѣсь со стороны личности воспитывающаго надъ личностію воспитываемаго нѣтъ и не можетъ быть; нѣтъ и не можетъ быть ихъ взаимной борьбы. А есть только нравственная, внутренняя борьба личности съ самой собой, въ которой воспитывающему принадлежитъ только положеніе руководителя въ размѣрахъ его личнаго въ ней опыта. Само религіозное воспитаніе состоитъ, такимъ образомъ, не въ подчиненіи молодого и слабаго дитяти взрослому и сильному воспитателю, а въ подчиненіи обихъ одному высшему идеалу добра и истины.

3) Иногда говорятъ, что религіозное воспитаніе вноситъ въ сознаніе дѣтей раздѣленіе и внушаетъ непріязнь къ людямъ разной вѣры.

Но трудно себѣ представить, чтобы дитя не могло инымъ путемъ узнать о людяхъ различныхъ вѣръ. Какъ бы родители и воспитатели имъ старались оградить дѣтей своихъ отъ знакомства съ иновѣріемъ, самый фактъ наличности послѣдняго невольно знакомитъ съ собой дѣтей разными путями. Вѣдь нельзя же воспитывать дитя совершенно отъ всего и отъ всѣхъ изолированно. На урокахъ же Закона Божія знакомясь съ разными вѣрами, а въ школѣ видя и дѣтей разныхъ вѣръ, дитя не только не услышитъ, разумѣется, за немногими исключительными, ненормальными случаями, не услышитъ внушенія враждебныхъ отношеній къ нимъ, а какъ разъ обратное встрѣтитъ. Тутъ ему хотя и будутъ говорить, и то не въ первый же годъ обученія, о разныхъ вѣрахъ, но будутъ говорить со всевозможными предосторожностями, имѣя цѣлю не вражду къ нимъ поселить, а жалость и снисходительность внушить.

Конечно, гдѣ въ школѣ есть дѣти разныхъ вѣръ, законоучитель обязанъ касаться пунктовъ расхожденія въ вѣрѣ. Но каждый законоучитель обязанъ знать, какъ это ему нужно сдѣлать. Онъ не долженъ раз-

ности въ вѣроученіи школьниковъ брать пунктъ за пунктомъ и обличать опровергая ихъ; онъ не долженъ даже и формулировать самые эти пункты расхожденія, а если почему-либо найдетъ себя вынужденнымъ это сдѣлать, то обязанъ говорить о нихъ не съ пренебреженіемъ и насмѣшкой, не съ враждой и ненавистію къ чужому вѣрованію, а съ полнымъ уваженіемъ и безпристрастіемъ. Лучше же всего, зная, въ какихъ пунктахъ православнаго ученія дѣти его школы расходятся, законоучитель долженъ обратить самое серьезное вниманіе на эти пункты нашего ученія, какъ можно подробнѣе ихъ раскрыть и обосновать съ положительной стороны, разъяснить необходимость и естественность этого нашего вѣрованія именно въ такомъ, а не въ иномъ положеніи, опять-таки не формулируя противоположнаго нашему вѣроученію и не говоря, даже стараясь не давать основаній дѣтямъ думать, что все это онъ дѣлаетъ въ цѣляхъ обличенія другой вѣры. Когда законоучитель все это, и именно такъ, сдѣлаетъ, онъ вполне достигнетъ своей цѣли утвержденія своихъ православныхъ школьниковъ въ ихъ вѣрѣ, не касаясь и тѣмъ болѣе не оскорбляя ничьей другой вѣры. И онъ ни коимъ образомъ не внесетъ въ отношенія дѣтей вражду, а скорѣе и ту неприязнь, какая очень нерѣдко наблюдается въ нашихъ русскихъ православныхъ семьяхъ къ чужимъ вѣрамъ, онъ умалитъ и дастъ ей иное направленіе по линіи искреннихъ братскихъ бесѣдъ о вѣрѣ съ заблуждающимися.

III.

О необходимости изученія религіи въ школьномъ возрастѣ.

Дѣтская душа, дѣтскій умъ характеризуются тѣми чертами, которыя даютъ ему полную и самую естественную возможность усвоить религіозныя истины. И эти, въ свою очередь, въ главныхъ своихъ положеніяхъ, совершенно сродны душѣ дитяти. Поэтому мы и утверждаемъ полную психологическую естественность изученія Закона Божія въ дѣтскомъ возрастѣ. Но въ дѣтскомъ, именно школьномъ, возрастѣ не только естественно, но даже прямо-таки необходимо изучать Законъ Божій; изученія его требуетъ счастье и благополучіе жизни человѣческой.

Дѣти, какъ всѣмъ намъ хорошо извѣстно, очень воспримчивы. Они положительно на все обращаютъ вниманіе, всѣмъ интересуются, все хотятъ узнать; ничто, совершающееся вокругъ ихъ, не ускользаетъ съ поля ихъ духовнаго зрѣнія. И эта ихъ воспримчивость далеко не безразлична для всей ихъ послѣдующей человѣческой жизни. Именно въ дѣтствѣ мы запасаемся тѣмъ умственнымъ содержаніемъ, которымъ въ послѣдующіе годы опредѣляетъ въ очень значительной степени наше міровоззрѣніе; здѣсь мы приобретаемъ тѣ черты характера и навыки, ко-

торыми впоследствии создаются наши вкусы и интересы; въ дѣтствѣ собирается то, что потомъ дѣлаетъ насъ опредѣленной личностію, ярко выраженной и, пожалуй, почти совсѣмъ не поддающейся перевоспитанію. Значеніе дѣтства съ этой стороны хорошо выражаетъ русская пословица: «каковъ въ колыбелькѣ, таковъ въ могилкѣ». Дѣтство создаетъ въ каждомъ изъ насъ будущаго человѣка. И значеніе дѣтства съ этой стороны признается всѣми педагогами, какихъ бы разнообразныхъ взглядовъ на самый дѣтскій духовный міръ они ни держались.

При столь громадномъ значеніи дѣтства вполне понятна важность наполнить этотъ дѣтскій міръ, дѣтскую духовную жизнь всѣмъ самымъ добрымъ, идеальнѣйшимъ;—вложить въ дѣтское сознаніе начала того, изъ чего впоследствии развился бы цѣльный индивидуумъ;—сообщить основы для гармонично-развитаго міровоззрѣнія и опредѣленнаго, въ сторону добра направленнаго, характера. Такое-то содержаніе вложить, такія-то основы и начала дать дѣтской душѣ можетъ только религія, только вѣра христіанская; только она одна имѣетъ всѣ данныя помочь дитяти вырасти въ полнаго цѣлостнаго человѣка, самоотверженнаго брата для ближнихъ.

1) Религія, давая дитяти отвѣтъ на весьма сильно занимающіе его вопросы о бытіи, о Богѣ, о человѣкѣ и т. под., этимъ самымъ помогаетъ ему—еще въ юности—имѣть все необходимо нужное въ качествѣ естественнаго матеріала для созданія впоследствии опредѣленнаго, цѣлостнаго міровоззрѣнія. Конечно, и религіозно воспитанный юноша въ свое время не избѣжитъ волненій отъ такъ называемыхъ вѣчныхъ «проклятыхъ» вопросовъ: они и въ его душѣ и умѣ вызовутъ сомнѣнія, недоувѣріе и всесторонній пересмотръ всей, изъ дѣтства вынесенной, вѣры. Но для него волненія отъ этихъ вопросовъ не будутъ столь мучительными, какъ для юноши безъ религіозныхъ основъ. Въ прежнемъ религіозномъ обученіи онъ будетъ имѣть для себя прочную основу, на которой онъ можетъ построить теперь величественное зданіе философско-продуманнаго и научно-обоснованнаго міровоззрѣнія. Дѣтскія религіозныя настроенія и переживанія, Законъ Божій дѣтской школы отклонитъ юношескія сомнѣнія отъ отрицаній, волненія отъ страданій, отчаянія и неудовлетворенности, и, проведя дѣтскую вѣру чрезъ дебри моднаго невѣрія и декадентства, поможетъ ей еще болѣе прочно и твердо укрѣпиться. Кто изъ насъ не переживалъ въ молодости моментовъ пересмотра дѣтской вѣры, не волновался потребностію перестроить дѣтское міровоззрѣніе, не сомнѣвался и даже въ той или иной степени не отрицалъ? Но у кого прочны были дѣтскія религіозныя основы, у того этотъ естественный процессъ проходилъ безболѣзненно, нормально, завершаясь еще большею религіозною убѣжденностію. А большая часть ~~нашихъ современниковъ~~ и въ невѣріи своемъ страдающихъ, обращаясь въ

памяти своей къ дѣтству, не находятъ тамъ фундамента для религіозности. Вотъ почему, болѣе умные и сердечные изъ современныхъ безбожниковъ, сами оставаясь въ безбожїи, дѣтей своихъ стараются воспитать и обучать въ истинахъ и правилахъ вѣры христіанской: они теперь сами на себѣ, хотя и отрицательнымъ путемъ, но все-таки убѣдились въ великомъ жизненномъ значенїи вѣры христіанской и въ безусловной необходимости для счастья жизни научить дѣтей религіи.

2) Религія въ своихъ церковно-библейскихъ разсказахъ, вѣро- и нравоучительныхъ истинахъ даетъ юношѣ самую возвышенную духовную обстановку, создаетъ для него самую идеальнѣйшую атмосферу. Она говоритъ ему постоянно о Высшей истинѣ, чистѣйшей правдѣ, о совершеннѣйшей красотѣ. Евангельскія повѣствованія наполняютъ душу дитяти неизсякаемымъ источникомъ духовнаго восторга; мученики воспламеняютъ его готовностію за все доброе, истинное, Божье пожертвовать собственною жизнью. А чѣмъ больше мы живемъ въ извѣстномъ духовномъ настроенїи, тѣмъ болѣе проникаемся положительнымъ содержаніемъ его. Быть можетъ, этимъ и приходится объяснить то, почему невѣрующіе и дурные люди не становятся окончательно врагами общества: дѣтская религіозность съ прежнимъ восторгомъ предъ всѣмъ высокимъ, чистымъ и свѣтлымъ не совсѣмъ еще погасла въ душѣ отъ вѣтра житейскаго зла, идеализмъ прежнихъ лѣтъ, хотя и отраженіемъ, но все еще дѣйствуетъ на душу человѣка. Этимъ, т. е. опять-таки дѣтскимъ религіознымъ идеализмомъ нужно объяснить и то, что и всѣ мы, при всей грязи и пошлости жизненной обыденности, иногда и при отказѣ нашемъ отъ самой вѣры религіозной, все-таки не утериваемъ не только сознанія добра, но и постоянного стремленія къ нему. Немало каждый изъ насъ читывалъ разсказовъ о томъ, какъ человѣка отклоняло отъ злого поступка или побуждало сдѣлать великое, доброе дѣло, повидимому, совершенно случайное воспоминаніе о дѣтской религіозности, о дѣтской молитвѣ, о посѣщаемой церкви, о матери, колѣнопреклоненно молящейся. И каждый изъ насъ согласится, что многое доброе мы дѣлаемъ по повелѣнію какого-то, нами плохо улавливаемого, но неопределимаго внутренняго голоса: то голосъ дѣтской религіозности, голосъ дѣтскаго Закона Божія.

Но, воспитывая дѣтскую душу въ идеалистическомъ настроенїи, направляя умъ къ собиранію всего прекраснаго, добраго, христіанская религія, однако, очень далека отъ того, чтобы приучить дѣтей къ пустому безсодержательному идеальничанію, тѣшить душу ихъ разными иллюзорными картинами, при первой же встрѣчѣ съ жизненной неприглядностію разбивающимися, какъ мыльные пузыри. Говоря о прекрасномъ и добромъ, религія говоритъ и о царящемъ въ мірѣ злѣ и грѣхѣ. И своими рѣчами о этихъ послѣднихъ, какъ обычныхъ явленійхъ жизни, предъ которыми

необходимо не склониться въ изнеможеніи, а стать съ побѣднымъ оружіемъ и съ сознаниемъ возможности избѣжать ихъ, религія, отклоняя дѣтей отъ пустого резонерства, приучаетъ ихъ къ твердости въ работѣ, къ мужеству въ перенесеніи бѣдъ и несчастій, къ обдуманности въ своихъ поступкахъ и къ постоянной работѣ надъ самимъ собою... Только религіозное воспитаніе можетъ дать свѣтлое настроеніе, радостное міровоззрѣніе, сознаніе побѣды добра надъ зломъ, и никогда не допуститъ человѣка не только до отчаянія, но и до гнетущей тоски и малодушнаго унынія.

3) Дитя, какъ извѣстно, въ нравственномъ отношеніи является далеко не совершеннымъ. По словамъ философа Канта, «человѣкъ долженъ развивать свои способности къ добру. Провидѣніе не вложило ихъ въ него въ готовомъ уже видѣ; это одни способности, безразличныя въ нравственномъ отношеніи». ¹ Дѣтямъ должно много, очень много употреблять усилій надъ собою, чтобы нравственно развиваться. Но если всякое развитіе—тяжело и требуетъ достаточныхъ для него побужденій, то тѣмъ болѣе тяжело нравственное совершенствованіе, и тѣмъ болѣе въ основательныхъ побужденіяхъ оно нуждается. Но гдѣ и въ чемъ, кромѣ религіи, найдетъ дитя такія для себя побужденія?! Если человѣку взрослому, умственно и нравственно развитому, нельзя внушить убѣжденія дѣлать добро ради добра или ради счастья ближнихъ или по другимъ какимъ-либо этическимъ и социальнымъ мотивамъ, то какъ возможно внушать все это дѣтямъ? Всѣ разсужденія такъ называемой автономной морали для нихъ—пустой звукъ, непонятная отвлеченность, только лишь принудимость къ добру отъ другихъ, въ ихъ сердцахъ не находящая соотвѣтствующаго отклика... И только религія своими рѣчами о Богѣ всевидящемъ, о Богѣ—все доброе требующемъ, а злое нетерпящемъ, о Богѣ, за первое награждающемъ, а за второе наказывающемъ,—своими рѣчами о человѣкѣ, Божіемъ образѣ, отъ Бога происшедшемъ и снова къ Богу имѣющемъ возвратиться, и тому подобными разсужденіями религія христіанская способна дать, внушить дѣтямъ вполне достаточныя основанія для того, чтобы побуждать имъ въ себѣ дурныя привычки, злыя навыки и пожеланія и, даже съ отказомъ отъ многихъ удовольствій, творить доброе.

Во всѣхъ этихъ сторонахъ значеніе религіознаго обученія и воспитанія такъ очевидно, что противъ него никто изъ педагоговъ и людей вдумчивыхъ не рѣшается что-либо говорить. Только люди, не признающіе религіи, на мѣсто религіи для даннаго значенія въ жизни человѣка поставляютъ или науку или философію. Въ первой главѣ мы уже видѣли всю невозможность подобной замѣны по сознанію самихъ даже людей

¹ См. у Острогорскаго, А. И. Педагогическая хрестоматія. Спб. 1907. Стр. 26.

науки. Здѣсь приведемъ еще нѣсколько отзывовъ со стороны свѣтскихъ писателей о великомъ значеніи религіознаго обученія дѣтей.

Извѣстный писатель Пресансэ пишетъ: «Воздухъ неба необходимъ для небеснаго растенія, которое мы хотимъ выростить въ сердцахъ нашихъ дѣтей. И только одна жизнь христіанская распространяетъ его вокругъ себя съ чуднымъ благоуханіемъ Іисуса Христа. Ребенокъ, выросшій подъ его благотворнымъ воздѣйствіемъ, хранитъ о немъ вѣчное воспоминаніе. И это составитъ, во дни борьбы, скрытую, но всемогущую силу для него, которая и приведетъ его къ Господу. Воспоминанія о благочестіи сольются для молодого человѣка съ чистыми и приятными воспоминаніями отроческихъ лѣтъ. Въ нихъ для него будетъ заключаться особая прелесть, и въ совѣсти его навсегда живо сохранится тотъ свѣтъ, который необходимъ для различенія добра и зла»...¹

У другого писателя по психологической педагогикѣ Эд. Клапареда находимъ такое разсужденіе. «Рѣзкое подавленіе религіознаго чувства во имя какихъ-нибудь «позитивистическихъ» догматовъ можетъ вызвать у юноши и еще больше у молодой дѣвушки серьезное смятеніе духа. Если даже предположить, что религія не соотвѣтствуетъ никакой объективной «истинѣ», она все же можетъ въ извѣстный періодъ приносить большую пользу, служа поддержкой и средствомъ выраженія вполнѣ реальныхъ чувствъ, а это выраженіе помогаетъ безъ сомнѣнія личности перейти одинъ изъ трудныхъ моментовъ въ ея развитіи».²

Нѣкто Луи Проаль, членъ кассационнаго суда въ Парижѣ, въ своей книгѣ «Воспитаніе и самоубійство дѣтей»—религіозному обученію дѣтей придаетъ громаднѣйшее значеніе для отвращенія дѣтей, да и взрослыхъ людей отъ самоубійства. Онъ пишетъ: «Для формированія характера, для исправленія недостатковъ и развитія добрыхъ чувствъ религіозныя вѣрованія оказываются болѣе полезными, чѣмъ всякая иная доктрина. Они лучше всего предохраняютъ отъ самоубійства; такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю, судя по предсмертнымъ письмамъ дѣтей-самоубійцъ; въ этихъ письмахъ дѣти нерѣдко заявляютъ, что они болѣе ни во что не вѣрятъ: ни въ Бога, ни въ существованіе души, ни въ будущую жизнь. Изъ такого скороспѣлаго скептицизма вытекаетъ лишь или преждевременная извращенность или такое же разочарованіе... Когда ребенокъ ни во что не вѣритъ, то его не удерживаетъ мысль, что Богъ запрещаетъ самоубійство; если онъ чувствуетъ себя несчастнымъ, то легко поддается искушенію покончить съ жизнью. Отнять вѣру въ Бога, въ будущую жизнь и въ осужденіе за гробомъ—это значитъ не только увеличить трудности воспитанія, и безъ того крайне тяжелыя, но еще уменьшить средства для борьбы съ самоубійствомъ». Это свое положеніе Луи Проаль под-

¹ Введенскій, Дм. Стр. 58.

² Тамъ же. Стр. 227.

тверждаетъ ссылками на двухъ извѣстныхъ женщинъ—на Жоржъ Зандъ и на Софію Ковалевскую. Первая о себѣ говоритъ, что у нея была очень восторженная мысль о самоубійствѣ и отъ нея она избавилась лишь молитвой и думами о загробной карѣ. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ она, какъ у меня нѣтъ больше тѣхъ тяжелыхъ сомнѣній, при которыхъ опасная мысль о полномъ небытіи приходитъ въ страстное, непобѣдимое желаніе...; съ тѣхъ поръ, какъ я вѣрю въ вѣчное существованіе за предѣлами этой жизни, мысль о самоубійствѣ появляется у меня лишь мимолетно, и ее легко отогнать размышленіемъ». Г-жа Ковалевская Софія, по словамъ ея біографа, «часто признавалась, что одна только боязнь посмертной кары вѣшила ей добровольно разстаться съ жизнію». Приведя эти примѣры, нашъ авторъ заключаетъ: «У ребенка еще болѣе, чѣмъ у взрослою чело- вѣка, есть потребность сохранить эту вѣру въ Бога, въ будущую жизнь и въ лучший міръ. Не одной только пѣсней убаюкивается скорбь чело- вѣка—ребенка или взрослою; успокаиваетъ ее и доктрина, которая учитъ чело- вѣка уважать жизнь, свято исполнять обязанности, а также и дисциплина, которая заставляетъ его придерживаться добродѣтелей, огра- ждающихъ отъ насилій надъ самимъ собою»...¹

Кому неизвѣстны примѣры, когда люди, изъ дѣтства вынесшіе ре- лигіозную настроенность и религіозныя познанія, въ горѣ и несчастіяхъ жизни сохраняютъ бодрость духа, твердость своихъ надеждъ, поражаю- щее насъ мужество и надъ всѣмъ царящая радость и спокойствіе духа! И какъ намъ бываетъ тяжело видѣть тѣхъ, которые, выйдя въ жизнь безъ религіозныхъ устоевъ, при малѣйшихъ неудачахъ жизни теряются, падаютъ духомъ, унываютъ.., оказываясь ладьей безъ руля и вѣтриль... Послѣ всего этого можно ли, по какимъ бы то ни было, хотя бы, пови- димому, самымъ благочестивымъ мотивамъ, говорить о томъ, что не нужно дѣтей въ ихъ школьномъ возрастѣ обучать религіознымъ истинамъ?! Кто хочетъ счастья дѣтямъ, тотъ долженъ всячески заботиться объ изученіи дѣтьми Закона Божія и о воспитаніи ихъ въ духѣ христіанской вѣры...

IV.

О замѣнѣ въ школѣ религіи моралью.

Въ настоящее время отъ людей даже религіозныхъ, и къ Церкви относящихся въ общемъ благожелательно, нерѣдко можно слышать увѣ- ренія, что въ школѣ цѣль изученія Закона Божія не достигается; изъ школъ очень нерѣдко выходятъ юноши и дѣвицы не только религіозно «равственно» не развитыми и безъ соотвѣтствующаго настроенія, но

¹ Духъ Промысла. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Спб. 1908. Стр. 118—120.

даже совсѣмъ Бога не признающими и поставившими себя по ту сторону добра и зла. Быть можетъ, думаютъ нынѣ многіе,—изученіе морали въ школѣ вмѣсто Закона Божія поможетъ научить нашихъ дѣтей тому, какъ нужно нравственно жить и работать въ обществѣ, внѣдрить въ ихъ умъ и сердце сознаніе высоты нравственныхъ нормъ и необходимости нравственной отвѣтственности. И отъ замѣны въ школѣ Закона Божія моралью многіе искренно начинаютъ ждать избавленія дѣтей нашихъ отъ безнравственности и возможности воспитать въ нихъ добрыхъ, честныхъ людей.

Но такая замѣна дастъ ли, можетъ ли дать нами желаемое? Спасетъ ли, можетъ ли спасти нашихъ дѣтей она отъ нравственной порчи и распушенности? Внушить ли имъ уваженіе къ нравственнымъ основамъ и воспитаешь ли нравственно-высокіе характеры?

Школьная безрелигіозная мораль можетъ быть двоякой: безрелигіозной только для школы, для лучшаго нравственнаго воспитанія дѣтей, но въ общемъ на религіи, какъ на своей крайней основѣ, покоящейся и изъ нея проистекающей,—безрелигіозной, значить, только въ относительномъ смыслѣ слова,—или безрелигіозной въ полномъ, настоящемъ смыслѣ слова, съ полнымъ и всецѣльнымъ отрицаніемъ религіи.

Но можно ли изучать мораль, хотя въ относительномъ смыслѣ безрелигіозную, безъ изученія религіи, если она на послѣдней всецѣло основывается и ею опредѣляется? Найдется ли такой ученый, который станетъ преподавать механику безъ предварительнаго изученія со своими слушателями математики или медицину безъ анатоміи? Точно такъ же невозможно изучать и мораль,—то, что есть выводъ, жизненное приложеніе,—безъ религіи, ее опредѣляющей. О чемъ бы ни заговорилъ учитель морали со своими учениками, у нихъ будутъ постоянные вопросы: «да почему должно быть это, а не то,—этакъ, а не такъ? Для чего это нужно? Чѣмъ оно вызывается, требуется?..» И учителю придется или читать своимъ ученикамъ цѣлыя лекціи изъ области оставленнаго Закона Божія, или не отвѣчать совсѣмъ на вопросы учениковъ. Насколько непедagogично и для учениковъ вредно то и другое, легко понять всякому. Если беспочвенность всюду вредна, то въ дѣлѣ выработки нравственныхъ нормъ, образованія изъ дитяти нравственно сознающей и самоопредѣляющейся личности она прямо-таки совершенно недопустима, и изучать такъ понимаемую безрелигіозную мораль значить воспитывать не нравственно стойкую, убѣжденную личность, а только какую-то куклу, которая всюду вертится, куда бы ее ни повернули.

Не менѣе очевидна невозможность преподавать въ школѣ мораль, совершенно религію не признающую, ее отрицающую. Прежде всего—что такое есть безрелигіозная мораль? Разные ученые, отстаивающіе безрелигіозную или—какъ принято называть—автономную мораль, на этотъ

вопросъ даютъ разные отвѣты. Одно о ней думаютъ утилитаристы, и совсѣмъ иное—послѣдователи морали такъ называемыхъ безкорыстныхъ чувствъ; отстаивающіе мораль склонностей расходятся съ приверженцами морали нравственныхъ чувствованій. Одно о ней говорить, допустимъ, Бэнтамъ, къ совсѣмъ другимъ выводамъ о ней приходятъ Кантъ и Герbartъ, а Ницше, зачеркивая разсужденія всѣхъ, выставляетъ свою собственную нравственность.¹ За кѣмъ же изъ нихъ въ пониманіи и опредѣленіи естественной безрелигіозной морали слѣдовать, чье пониманіе ея ввести въ школу, а чрезъ нее и въ жизнь? Не значить ли это ввести партійность въ школу и въ дѣло нравственнаго воспитанія дѣтей: дать возможность и даже право каждому учителю толковать нравственныя правила и обязанности по-своему, вплоть до проповѣди не только классовой борьбы, но и животной, звѣрской расправы однихъ съ другими?!...

Да и можетъ ли быть безрелигіозная мораль? Она не только не установлена, но уже самымъ фактомъ своего разнообразнаго растолкованія и опредѣленія подрываетъ право на свое существованіе. Мораль—вѣдь это сама жизнь; но всякая жизнь устрояется въ зависимости отъ міровоззрѣнія, отъ той или иной метафизики. Всѣ поступки людскіе, права и обязанности людей, ихъ даже внѣшнее благоприличіе нормируются непремѣнно общими принципами, а эти послѣдніе—плодъ той или иной метафизики и религіи. Это, конечно, хорошо сознается всѣми поборниками естественной морали; и строго-то говоря, вся рѣчь ихъ о безрелигіозной морали не есть ратованіе за мораль, отрѣшенную отъ общихъ метафизическихъ принциповъ, а проистекаетъ изъ желанія ихъ установить мораль, независимую только отъ христіанскаго міровоззрѣнія. Поэтому-то предложеніе ввести въ школу для преподаванія дѣтямъ естественную мораль, собственно говоря, проистекаетъ не изъ-заботы о поднятій нравственнаго воспитанія дѣтей въ школѣ, а изъ желанія освободить ихъ отъ всякаго нравственнаго воспитанія, вліянія и авторитета; оно есть желаніе предоставить дѣтямъ нравственно формироваться такъ, какъ каждому хочется, возможно и, по ихъ мнѣнію, для жизни полезно. Педагогично ли это и полезно ли для созданія цѣльныхъ нравственныхъ натуръ и для образованія сознательныхъ гражданъ,—отвѣтить на это, кажется, теперь нетрудно. Это наше утвержденіе не есть лишь выводъ изъ логическихъ построеній: результаты введенія безрелигіозной морали во французской школѣ насъ въ этихъ выводахъ самымъ категоричнѣйшимъ образомъ подтверждаютъ и оправдываютъ.

Какъ извѣстно, во Франціи Законъ Божій изъ школы уже удаленъ; взамѣнъ его предписано тамъ изучать мораль. Въ основѣ морали положенъ Контовскій позитивизмъ, устами новыхъ реформаторовъ школы про-

¹ Подробнѣе см. въ книгѣ Ив. Попова; «Естественный нравственный законъ». (Психологическ. основы нравственности). Серг.-Посадъ. 1897.

возгласившій: «нація беретъ на себя воспитывать души ея дѣтей и не нуждается для этого ни въ авторитетахъ религіозной догмы, ни въ престижѣ культа, ни въ особыхъ служителяхъ». Авторитетомъ—должна быть свобода, догмой—права и обязанности гражданина, высшимъ откровеніемъ—совѣсть и разумъ. О самой сущности, о бытіи Бога школьныя инструкціи предлагаютъ либо разсуждать чисто-раціоналистически, либо совсѣмъ умалчивать. Вотъ какъ, наприм., говорится о Богѣ въ одномъ учебникѣ, составленномъ инспекторомъ училищъ: «Богъ—Создатель міра и Отецъ всѣхъ людей. Обязанности по отношенію къ Богу предписываются каждому человѣку его религіозными взглядами! Не всѣ понимаютъ Бога одинаково. Поэтому существуетъ нѣсколько религій. Какова бы ни была наша религія, мы должны почитать Бога, какъ высшее Существо. Мы должны любить Его, какъ Отца человѣческой семьи. Любить добро и любить Бога—одно и то же, такъ что повиновеніе законамъ долга является лучшей хвалой, какую только мы можемъ воздать Богу».

Вотъ и все о Богѣ. И это—на послѣдней страницѣ книжки учебника морали.

Чѣмъ же замѣнена религіозная мораль?

Г. О. Карскій, изучавшій лично «народное образованіе во Франціи» и описавшій его на страницахъ журнала «Русская Школа» за 1907 годъ, такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Душа школьника, пишутъ школьныя программы, будетъ укрѣпляться путемъ пріобрѣтенія существенныхъ понятій о «человѣческой морали, общей всѣмъ доктринамъ и необходимой всему цивилизованному человѣчеству»... Дѣйствуя на сердце, укрѣпляя волю, учитель заставитъ чувствовать величіе нравственнаго закона... «Нравственные принципы,—говорилъ Жюль Ферри, защищая въ 1887 году предъ сенатомъ свой проектъ свѣтской школы,—и ихъ практическія приложенія—вещь ясная и очевидная для всякаго прямого ума, всякаго честнаго сердца. Обязанности по отношенію къ самому себѣ и къ другимъ, къ отечеству, семьѣ, обществу; личное достоинство, солидарность, братство, любовь къ истинѣ, уваженіе къ справедливости, покровительство слабымъ, презрѣніе къ мести и тому под.,—всѣ эти моральныя истины могутъ быть свободно разъяснены безъ необходимости прибѣгать къ мраку метафизики или къ свѣту Синая».

Такова, въ наиболѣе характерныхъ чертахъ, теорія, вложенная въ основу преподаванія морали въ начальной школѣ Франціи.

...Посмотримъ,—пишетъ дальше г. Карскій,—какъ прививаются эти принципы демократической культуры на тернистой почвѣ буржуазной дѣйствительности. Изъ области высокихъ истинъ спустимся въ практическую жизнь, къ маленькимъ, незамѣтнымъ проводникамъ теоретическихъ основъ. Прежде всего мы встрѣчаемся съ цѣлой грудой всевозможныхъ «руководствъ по морали» какъ для учителей, такъ и для дѣтей. Мнѣ

пришлось просмотрѣть ихъ за разные годы... Узко утилитарныя, буржуазныя нравственныя правила, которыя въ учебникахъ для дѣвочекъ, вдобавокъ, отличаются слащавымъ сентиментализмомъ, наполнили эти руководства по морали. Конечно, высокія истины вдоль и поперекъ разсѣкаютъ эти книжки... Но все это, увы, тонетъ въ общей атмосферѣ мелочного расчета. Вотъ нѣсколько перловъ изъ учебниковъ морали, написанныхъ прежде—35 лѣтъ назадъ и теперь.

Дѣтямъ необходимо привить разумную любовь къ школѣ. Для этой цѣли авторъ «Нравственныхъ максимъ французскаго школьника», Жераръ, удостоившійся преміи французской академіи наукъ, не находитъ лучшаго сравненія, какъ уподобить школу обѣденному столу: «оставить ученіе, повѣрь, это все равно, что уйти отъ стола, на которомъ разставлены лучшія блюда»... Другой моралистъ призываетъ учиться, такъ какъ «прилежаніе и трудъ даютъ стипендіи». И дѣти, дѣйствительно, какъ отмѣчаетъ одна анкета о преподаваніи морали въ начальной школѣ, на вопросъ, почему они ходятъ въ школу, отвѣчаютъ: «чтобы лучше впоследствии устроить свои дѣла», либо даже проще: «чтобы поступить въ бюро»...

Особенно усердно культивируется идеаль буржуа въ отношеніи накопленія богатства и безпечнаго существованія. Нѣкто Петръ Лялюа считаетъ своимъ долгомъ указать, что «человѣкъ работаетъ, чтобы обогатиться» и что «каждый изъ насъ горитъ желаніемъ пріобрѣсть богатство для себя и для своихъ». Приводится, конечно, и цѣлый рядъ совѣтовъ, какимъ путемъ, кромѣ труда, можно обогатиться. На первомъ планѣ, конечно, сбереженія, которыя, какъ говоритъ госпожа Жюранвиль, «внушаютъ уваженіе къ самому себѣ»...

Встрѣчаются даже и такіе нравственные рецепты: «если тебѣ удастся стать патрономъ, то старайся увеличить свою прибыль, только не на счетъ публики, такъ какъ публика не позволяетъ себя долго обманывать (!), но и не въ ущербъ рабочимъ, такъ какъ у плохого хозяина плохіе и служащіе» (!).

Въ видѣ угрожающихъ стимуловъ, на мѣсто библейскаго ада, дѣтямъ преподносятъ статью уголовного кодекса. «Въ цивилизованныхъ странахъ, разъясняетъ Жераръ, воровство, поджогъ, убійство наказываются тюрьмой, каторгой и смертной казнію; если же ребенокъ своимъ дурнымъ поведеніемъ причинитъ горе родителямъ, то его можно отдать въ исправительный домъ». Другой наставникъ г. Брюно, еще красочнѣе рисуетъ: «кто не повинуется закону, того жандармы приведутъ на судъ, гдѣ и происходитъ наказаніе». Для пушаго же наставленія ребятамъ преподносится рядомъ картина: злоумышленникъ, посягающій на чужую собственность, посреди двухъ жандармовъ, хранителей морали...¹

¹ Рус. Школа, 1907 г. № 7 и 8, стр. 80 и дал.

Само собой понятно, что такая безрелигіозная мораль не можетъ вести къ нравственному оздоровленію французскаго общества и плоды ея прежде и ярче всего обнаружилась въ увеличеніи количества преступленій и въ свободномъ, легкомъ отношеніи къ нимъ. Преступность среди молодежи въ возрастѣ 16—21 года, т. е. среди тѣхъ, кто оставилъ школьную скамью или еще кончаетъ школу безрелигіозную, сильно увеличилась. «Утилитаристская проповѣдь о выгодѣ быть честнымъ человѣкомъ приводитъ молодежь къ обратнымъ выводамъ—выгодно быть нечестнымъ человѣкомъ». ¹ Таково признаніе самихъ же французовъ.

Особенно въ данномъ случаѣ важны отзывы о вліяніи безрелигіознаго образованія на нравственность со стороны лицъ, по своимъ служебнымъ обязанностямъ близко стоящимъ къ фактамъ преступности. Судебные чиновники приходятъ въ ужасъ отъ сильнаго роста преступности среди молодежи. «Всякій здравомыслящій человѣкъ, пишетъ судебный слѣдователь въ Парижѣ, Гильо, какихъ бы убѣжденій онъ ни былъ, не можетъ отрицать, что страшное увлеченіе числа юныхъ преступниковъ стоитъ во внутренней связи со введеніемъ безрелигіознаго обученія. У юношей отняли религіозные идеалы, а вмѣстѣ съ ними и всѣ другіе, не исключая и патриотизма. Тому, что зло не приняло болѣе широкихъ размѣровъ, мы обязаны вольнымъ католическимъ школамъ, воспитавшимъ для бѣдной Франціи, хотя и маленькое, но отборное войско боящихся Бога, религіозно-нравственныхъ людей».

Бонжанъ, адвокатъ суда сенскаго департамента, пишетъ: «Франція быстро идетъ къ гибели. Обученіе безъ Бога—вотъ главная причина быстро прогрессирующаго вырожденія»...

А вотъ и иллюстрація къ этому заявленію. Въ докладѣ статистическаго бюро департамента Сены свидѣтельствуется: «изъ 100 дѣтей, привлеченныхъ къ суду, 11 обучались въ католическихъ школахъ, а 89—въ школахъ безрелигіозныхъ».

Какъ глубоко былъ правъ Викторъ Гюго, еще задолго до нашихъ дней сказавшій: «Нужно привлекать къ суду всѣхъ родителей, посылающихъ своихъ дѣтей въ школы, на дверяхъ которыхъ стоитъ надпись: «Законъ Божій здѣсь не преподается».

Одинъ врачъ пишетъ: «20 лѣтъ я практикую, и на моихъ глазахъ произошло паденіе многихъ благополучій въ знакомыхъ мнѣ домахъ. Изъ 342 распавшихся семей 320 совсѣмъ не посѣщали храма. Изъ 417 заблудшихъ, опозорившихъ своихъ родителей, молодыхъ людей и дѣвицъ, только 12 не чуждались церковной молитвы. Изъ 25 сыновей, безсердечно отнесшихся къ своимъ родителямъ, 24 съ дѣтскаго возраста не готовились по-христіански встрѣтить свѣтлые дни Пасхи. Я подавленъ

¹ Тамъ же. Стр. 85.

ужаснымъ краснорѣчіемъ этихъ цифръ, но сказать ли?—я испытываю нѣкоторое удовольствіе, увѣряясь въ справедливости Божіей къ тѣмъ, которые возстали противъ Него». ¹

Этотъ ужасъ, эти страшные результаты безрелигіозной школы теперь повсюду, не исключая и самой Франціи, стали сознаваться родителями и воспитателями. Эти всѣми мѣрами начинаютъ выражать свое недовольство безрелигіозной школой. Такъ поднимаются въ своемъ количественномъ ростѣ школы частныя съ преподаваемымъ въ нихъ Закономъ Божіимъ. ² Въ самомъ Парижѣ образовался крѣпкій «Союзъ противъ дурныхъ учителей». Во главѣ его стоитъ извѣстный писатель Морисъ Барре, выступавшій лѣтъ 5 тому назадъ въ Парижѣ съ публичной лекціей, въ которой возставалъ противъ учителей безбожниковъ и призывалъ родителей объединиться въ протестъ противъ безрелигіозности школьнаго образованія. ³ Тамъ же, во Франціи—цѣлый округъ (Аренны) подалъ правительству петицію съ просьбой не вымарывать изъ учебниковъ имени Божія. Въ Парижѣ не такъ давно образовалось новое «общество борьбы съ распространеніемъ социализма среди дѣтей», требующее спеціального закона, запрещающаго продажу несовершеннолѣтнимъ социалистическихъ газетъ, брошюръ и книгъ. ⁴

Противъ безрелигіозной школы ведется борьба и по другимъ государствамъ Европы. Такъ въ Австріи, гдѣ въ недавнее время широко раскинулъ свою антирелигіозную пропаганду «Союзъ учителей», учителя совмѣстно съ законоучителями добились того, что Распятіе не стало выноситься изъ школъ. ⁵ Въ Даніи начальниковъ частной, правительствомъ признанной, школы, хотя бы начальникомъ былъ еврей, обязываютъ заботиться о христіанскомъ обученіи питомцевъ государственной религіи... ⁶

Не такъ давно у насъ выдвинуто было новое, какъ бы срединное, мнѣніе, которое повидимому хочетъ удовлетворить и сторонниковъ безрелигіозной школы, и защитниковъ изученія Закона Божія дѣтьми въ школѣ. Оно формулировано такъ.

«Школа можетъ и должна сдѣлать по отношенію къ религіи слѣдующее: она должна создать атмосферу серьезнаго отношенія къ религіи, которая бы удержала вѣрующихъ въ ихъ вѣрѣ и не дала бы возможности развиться религіозному скептицизму... Вслѣдствіе сказаннаго представляется болѣе цѣлесообразнымъ сдѣлать религіозное воспитаніе частію нравственнаго воспитанія вообще, а не наоборотъ». ⁷

¹ «Церк. Вѣд.», 1907 г. № 43, стр. 1874. Введенскій, Д. За счастье дѣтей. В. 2, стр. 60—61.

² Газета «Жизнь и Школа» за 1907 г. № 3 отъ 29 окт.

³ Слуцкій, свящ. Школа безъ Бога. Стр. 12.

⁴ Введенскій, Дм. За счастье дѣтей. В. 2., стр. 59.

⁵ Тамъ же. Стр. 59—60.

⁶ «Церк. Вѣд.», 1908 г. № 12, стр. 567 примѣч.

⁷ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907. № 2, стр. 107—108, статья С. Л. Степанова.

Это мнѣніе, повидимому, продиктовано попеченіемъ о «серьезномъ отношеніи къ религіи» со стороны учащихся въ школъ. Но не трудно видѣть, что проведеніе этого мнѣнія въ практику неминуемо должно привести какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. На самомъ дѣлѣ, вѣру, религію хотятъ утвердить, сдѣлавши ее лишь «частію нравственнаго воспитанія вообще». Но часть не есть цѣлое, и религія, становясь только частію, естественно теряетъ цѣлостность своего значенія, изъ самодовлѣющей сущности жизни дѣлаясь лишь средствомъ нравственнаго воздѣйствія, изъ законнѣйшей и необходимѣйшей потребности человѣческаго духа превращаясь лишь въ узду для сдерживанія людскихъ страстей, низводясь въ орудіе властвованія для правителей. Не говорю уже—религія, но объединяющаяся съ такой религіей нравственность можетъ ли быть авторитетной для дѣтей?! Далѣе—ставя нравственное воспитаніе центромъ, цѣлю, а религію обращая въ служанку для нравственности, можемъ ли мы требовать отъ школы «удержать вѣрующихъ (дѣтей, а тѣмъ болѣе—юношей) въ ихъ вѣрѣ?» Не ясно ли для всѣхъ будетъ, что религія нужна лишь для подпорокъ нравственности, а эта, опирающаяся на явленіе, само по себѣ ненужное, неважное, въ свою очередь есть излишнее, а, быть можетъ, въ общественной жизни даже и вредное явленіе?—Да, наконецъ, и сама нравственность въ вышеприведенномъ мнѣніи берется какъ «нравственное поведеніе». Иначе ее понимать не могутъ тѣ, для которыхъ религія есть что-то второстепенное, лишь посредствующее. А нравственность, какъ нравственное поведеніе, это и есть та безрелигіозная мораль, о которой заботятся поборники свѣтской школы, только лишь вступающая въ школу подъ флагомъ религіи и ею прикрывающаяся.

«Серьезное отношеніе къ религіи» и надлежащее «нравственное поведеніе» тогда только вынесутъ дѣти изъ школы, когда Законъ Божій въ школъ останется на своемъ мѣстѣ и когда будутъ приняты мѣры не къ тому, чтобы положеніе религіи тамъ такъ или иначе умалять, а чтобы ея значеніе всячески возвышать. Школа безъ религіи, что свѣтъ безъ тепла. «Тотъ, заключимъ словами одного нѣмецкаго писателя, похищаетъ солнце съ неба и отнимаетъ весну у года, кто изгоняетъ Законъ Божій изъ школы» (Тротцендорфъ),¹ какими бы благочестивыми соображеніями онъ здѣсь не руководствовался.

¹ См. у Нозера. Методика Зак. Божія. М. 1898 г. Стр. 4.

